

Переводы

Предисловие к переводу манифеста «новой социологии детства»

АРТЕМ С. СЕРЕБРЯКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5564-0975

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-4-159-165>

Рекомендация для цитирования:

Серебряков А. С. (2023) Предисловие к переводу манифеста «новой социологии детства». *Социология власти*, 35 (4): 159–165.

For citations:

Serebryakov A. S. (2023) Preface to the Translation of the Manifesto of the “New Sociology of Childhood”. *Sociology of Power*, 35 (4): 159–165.

Поступила в редакцию: 15.10.2023;

принята в печать: 23.11.2023

Received: 15.10.2023; Accepted for publication: 23.11.2023

Copyright: © 2023 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Программная статья Эллисон Джеймс и Алана Праута для сборника «Конструируя и реконструируя детство» — пожалуй, самая авторитетная теоретическая работа в области социальных исследований детства, вышедшая за последние четыре десятилетия. Без ее упоминания обычно не могут обойтись те, кто настаивает на необходимости изучать детство в качестве отдельного социального феномена, а детей — как агентов, непосредственно вовлеченных в организацию коллективной жизни и способных создавать и поддерживать автономные культуры и системы отношений. Но всякое теоретическое высказывание, становясь общим местом, подвергается неизбежной редукции; оно низводится либо до набора некритически воспроизводимых положений, либо до карикатуры, служащей мишенью для колкостей и козлом отпущения, на которого возлагается ответственность за эпистемологические

159

В статье использованы результаты проекта «Природа в оптике цифровой культуры: парадоксы, гибриды, фантазмы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

тупики и кризисы. Перевод статьи на русский язык был осуществлен в том числе для того, чтобы дать новый импульс осмыслению и обсуждению поднятых авторами проблем, выводя их рецепцию за рамки догматического повторения или пренебрежительного отбрасывания.

Опубликованный в 1990 году, этот текст-манифест не был первой попыткой артикулировать новые установки в отношении изучения детства для общественных наук. Праут и Джеймс, однако, не просто опираются и ссылаются на вышедшие в 80-е годы работы коллег, таких как Крис Дженкс или Леена Аланен. И себя, и своих соратников они позиционируют уже как представителей «возникающей» исследовательской парадигмы — так называемой «новой социологии детства». Речь идет не только об обосновании концептуальной новизны текущих исследований. Основное внимание Праута и Джеймс сосредоточено скорее на демонстрации того, что наряду с доминировавшими воззрениями на детство долгое время присутствовали, но заглушались альтернативные голоса; а также — что из-за некритического принятия перспективы социализации и психологии развития детство оставалось как бы слепой зоной для исследователей даже после того, как открытия структурализма, символического интеракционизма и социального конструктивизма укоренились в науках об обществе. Таким образом, именно Прауту и Джеймс удалось совершить *перформативный акт*, объединяющий растущее многообразие исследовательских проектов в единое научное поле и утверждающий, что текущих теоретических и методологических инструментов достаточно для иного подхода к изучению детства, даже если сама настройка данных инструментов под это специфическое поле далека от завершения.

160

Разработка новой исследовательской парадигмы проходила преимущественно в рамках серии междисциплинарных семинаров и конференций «Этнография детства» (*The Ethnography of Childhood*), проводившихся в 80-е годы в Кембридже под руководством социального антрополога Джудит Эннью, чьи работы о маргинализации и эксплуатации детей заслуживают отдельного упоминания [см., напр.: Ennew 1986]. Посредством этих встреч постепенно выстраивалась сеть исследователей из разных стран, прежде работавших поодиночке и в разных областях¹, но одинаково неудовлетворенных тем, что в их дисциплинах детство остается маргинальной

1 Так, к примеру, Праут начинал с исследований в области медицинской социологии, а Джеймс занималась антропологией, ориентируясь на интерпретативный подход Клиффорда Гирца [см.: Smith, Greene 2014: 130; 169].

областью интересов, а также обеспокоенных ситуацией с социальной защитой несовершеннолетних. Как вспоминает Эллисон Джеймс: «Наш сборник стал отражением дискуссий, которые велись в то время на межнациональном уровне <...>. Это настолько захватывающе, когда обнаруживаешь, что являешься частью чего-то, хотя и не догадывался об этом, пока не встретил других людей, которые точно так же пытаются осмыслить, чем же именно они занимаются» [Smith, Greene 2014: 131]. Воодушевленность и оптимизм — как исследовательский, так и политический — характерны для этого текста и других работ, подкреплявших установление новой науки о детстве.

В 1998 году, вскоре после переиздания сборника «Конструируя и реконструируя детство» (1997), Джеймс и Праут совместно с Крисом Дженксом выпустили еще одну книгу, «Теоретизируя детство» [James et al. 1998], в которой систематизировали появившиеся исследования и представили их уже как поле междисциплинарных исследований детства (*childhood studies*). Предложенная ими картография, с одной стороны, подтверждала возникновение множества плодотворных подходов и исследовательских перспектив, но с другой — свидетельствовала о наличии в этом поле не концептуального единства, но линий напряжения и непримиримых противоречий. Авторы выделили четыре дихотомии: структура и агентность, тождество и различие, постоянство и изменчивость, локальность и глобальность; организовали их в систему координат с полюсами в виде четырех «философских измерений»: волюнтаризм, детерминизм, универсализм и партикуляризм; и расположили на ней четыре основных дискурса:

- дискурс о социально *структурированном* ребенке: детство как перманентный элемент структуры общества и системы его воспроизводства, дети как особый социальный класс [см.: Qvortrup 1994];
- дискурс о социально *сконструированном* ребенке: детство как исторически изменчивая культурная форма, дети как участники процессов конструирования социальных систем [см.: Jenks 1982];
- дискурс о ребенке-*миноритарии* (*minority group child*): детство как универсальный механизм патерналистского подчинения, дети как угнетаемое меньшинство [см.: Masson 1995];
- дискурс о ребенке-*дикаре* (*tribal child*): детство как автономная символическая система, дети как представители отдельного сообщества, чьи практики никогда не подчинены полностью процессам социализации и нормализации [см.: Stephens 1995].

162

Рис. 1. Система научных дискурсов о детстве [James et al. 1998: 147]

Этот систематизирующий жест был в действительности жестом полемическим, осуществленным отнюдь не из нейтральной позиции: не только дискурс о социально сконструированном детстве, но все четыре дискурса представляли собой научные конструкты; но для того чтобы увидеть их как таковые и разместить на системе координат, требовалось сохранять именно конструктивистскую рамку. Другими словами, предложенная модель была имплицитно асимметричной — при мнимом равенстве дискурсов один из них был также и метадискурсом [см.: Moggs 2002]. Читатель манифеста 1990 года наверняка заметит, что и там конструктивистская оптика занимает привилегированное положение по отношению к остальным перспективам. Как впоследствии будут указывать критики «новой социологии детства», конструктивистская методология и риторика, которым отдавали предпочтение сторонники движения, сами были детерминированы неолиберальным консенсусом, установившимся в 80-е годы [см.: Ва 2021].

Третье издание «Конструируя и реконструируя детство» состоялось в 2015 году, спустя четверть века после того, как новая парадигма была провозглашена. Теперь она обогатилась альтернативными программными заявлениями [см., напр.: Qvortrup et al. 2009: 1-6] и работами, посвященными критической оценке состояния дисциплины изнутри нее самой [см., напр.: Tisdall, Punch 2012]. В предиде

словии к последнему изданию Джеймс и Праут размышляют об историческом моменте, которому принадлежал их перформативный акт. Они характеризуют его как время позднего модерна — время неопределенности, когда институты и формы социальной организации, без которых невозможно было представить современное общество, стали подвергаться мутациям и эрозии:

Однако в 1980-е и 1990-е неопределенность сопровождалась оптимистическими и прогрессивистскими общественными настроениями, которые способствовали распространению таких идей, как участие детей в принятии решений. После финансового кризиса 2008 года подобное предполагать уже не получается. Как оказалось, социологи — хотя некоторым удалось это предвидеть — приняли крупнейший в истории кредитный бум (и крах) за новую общественную эпоху. Сова Минервы вылетает в сумерки, и сегодня мы лишь смутно различаем наступление (возможно, кто знает?) пессимистических общественных настроений и тенденций, свидетельствующих об откате к более консервативным в культурном отношении взглядам на роль детей и детские возможности, а также на сами исследования детства [James, Prout 2015: ix]¹.

Другими словами, возможность исследовать детство *само по себе*, о появлении которой объявили авторы манифеста, может быть рассмотрена не только как свидетельство прогресса социальных наук и человечества в целом, но и как следствие неостановимого распада социальной структуры, в результате которого отдельные ее элементы становятся более различимыми. И более того — в наступившем с опозданием обращении к детству можно увидеть признак заката современной социологии как таковой. Именно такой вывод сделал Алан Праут, чьи позднейшие работы в значительной степени представляют собой опыт самокритики. Согласно Прауту, новая парадигма одновременно с тем, чтобы высвободить концептуальное пространство для детства, фактически продемонстрировала принципиальную неспособность аппаратов современной социологии в этом пространстве ориентироваться — и именно оперирование дихотомиями, проиллюстрированное выше системой дискурсов о детстве, является сутью проблемы. Вместо него требуется мышление, делающее ставку на исключенное третье и вскрывающее гетерогенность и сетевой характер детско-взрослого взаимодействия [см.: Prout 2011, 2005].

163

1 Прямым следствием кризиса стало сокращение финансирования исследований детства во многих странах. Отвечая на просьбу оценить нынешнее состояние дисциплины, Праут признался: «...мы в депрессии, и я думаю, что этот период продлится гораздо дольше, чем кто-либо ожидает» [Smith, Greene 2014: 173].

Что касается Эллисон Джеймс, то, хотя ее исследовательский подход не претерпел столь заметных изменений, продемонстрированная ей рефлексия над первоначальными установками «новой социологии детства» не менее характерна. Одну из своих последних работ, монографию «Социализируя детей» [James 2013], она посвятила переоценке концепта социализации — то есть обратилась к той самой проблематике, которую прежде они с Праутом фактически отбросили как воплощение гегемонной и десубъективирующей установки. По словам Джеймс, в науке теория социализации действительно утратила прежнюю привлекательность и убедительность, но в то же время это понятие оказалось апроприировано политиками-популистами и стало широко использоваться для возгонки моральной паники по поводу поведенческих отклонений у молодого поколения. Потому понятие социализации должно быть переосмыслено уже с учетом принципов новой парадигмы — анализ социализации должен быть сфокусирован на детском опыте и детской точке зрения, то есть на том, каким образом дети сталкиваются с требованиями социального мира, как интерпретируют их и адаптируются к ним, как проявляют свою агентность и выстраивают траекторию индивидуальной жизни в контексте ее укорененности в жизни общественной.

164

Таким образом, представленный русскоязычной аудитории текст стоит читать с учетом сразу нескольких аспектов: как ключевой эпизод истории развивающегося дисциплинарного поля; как момент частной исследовательской биографии, которая в случае обоих авторов приведет к переоценке первоначальных установок; как отражение состояния социальных наук в 80–90-е годы XX века в их отношении к доминирующей идеологии; и как повод вернуться к обсуждению основополагающих вопросов касательно условий возможности изучения детства и детского опыта. Независимо от того, как мы расцениваем состояние исследований детства сейчас, ключевая мысль манифеста Джеймс и Праута — что, исследуя детство *вместе* с детьми, мы участвуем в реконструировании как детства, так и общества в целом — все еще, как кажется, требует нашего внимания и рефлексии.

Библиография / References

- Ba S. (2021) The Critique of Sociology of Childhood. Human Capital as the Concrete “Social Construction of Childhood”. *Power and Education*, 13(2): 73–87. <https://doi.org/10.1177/17577438211011637>
- Ennew J. (1986) *The Sexual Exploitation of Children*, Cambridge: Polity Press.
- James A., Jenks C., Prout A. (1998) *Theorizing Childhood*, Cambridge: Polity Press.

James A., Prout A. (eds.) (2015) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*, Classic Edition, London: Farmer Press/Taylor & Francis.

Jenks C. (1982). *The Sociology of Childhood: Essential Readings*. London: Batsford Academic and Educational.

Masson J. (1994). The Children Act 1989 and Young People: Dependence and Rights to Independence. In Deborah J. Lockton (Ed.) *Children & The Law*, London: Cavendish: 1–12.

Morris J. R. (2002) The Several Social Constructions of James, Jenks, and Prout: A Contribution to the Sociological Theorization of Childhood. *The International Journal of Children's Rights*, 10: 39–54. <https://doi.org/10.1163/157181802772758119>

Prout A. (2005) *The Future of Childhood. Towards the Interdisciplinary Study of Children*, London, New York: Routledge.

Prout A. (2011) Taking a Step Away from Modernity: Reconsidering the New Sociology of Childhood. *Global Studies of Childhood*, 1(1): 4–14. <http://dx.doi.org/10.2304/gsch.2011.1.1.4>

Qvortrup J. (ed.) (1994) *Childhood Matters*, Aldershot: Avebury.

Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M.-S. (eds.) (2009) *The Palgrave Handbook of Childhood Studies*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Smith C., Greene S. (2014) *Key thinkers in childhood studies*, Bristol: Policy Press.

Stephens S. (ed.) (1995) *Children and the Politics of Culture*, Princeton: Princeton University Press.

Tisdall E. K. M., Punch S. (2012) Not So “New”? Looking Critically at Childhood Studies. *Children's Geographies*, 10 (3): 249–264. <https://doi.org/10.1080/14733285.2012.693376>

Серебряков Артём Сергеевич — выпускник аспирантуры Центра практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудник Лаборатории критической теории культуры НИУ ВШЭ — СПб. Научные интересы: философская антропология, философия детства, материалистическая диалектика, радикальная демократия, герменевтика. ORCID: 0000-0002-5564-0975. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru

Serebryakov Artem Sergeevich is a graduate of the graduate school of the Center for Practical Philosophy “Stasis” of the European University in St. Petersburg, an employee of the Laboratory of Critical Theory of Culture at the National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg. Scientific interests: philosophical anthropology, philosophy of childhood, materialist dialectics, radical democracy, hermeneutics. ORCID: 0000-0002-5564-0975. E-mail: aserebryakov@eu.spb.ru